

Как и в прошлом, когда она больше всего ненавидела Шэнь Ютин, но после её смерти, увидев подавленного сына, она осознала, что, возможно, была неправа.

Цзи Бэйчуань произнес с отчаянием:

— Бабушка, я не сговаривался с тетушкой Ли, я не знал, что она собирается красть. Я просто хотел заменить лекарство. Бабушка, поверь мне, пожалуйста.

Седые волосы старой госпожи растрепались, она тяжело вздохнула:

— А если в тех поддельных таблетках примешали яд, способный убить такую старуху, как я?

Цзи Бэйчуань замер.

— А если... — старая госпожа посмотрела на него, — сегодняшний план тетушки Ли был не об этом. Что если бы она приказала тебе украсть документы у Юаньшэна, пообещав несметные богатства? Ты бы согласился?

Цзи Бэйчуань промолчал.

— Я...

Нет, он бы не согласился. Он бы так не поступил. Он просто хотел вернуться. Если бы это угрожало жизни бабушки или компании отца, он бы не сделал этого.

Отчаяние переполняло его, но он не мог найти слов для оправдания. Ошибка есть ошибка, и никто не был виноват, кроме его собственной жадности и неудовлетворенности.

Старая госпожа смотрела на мальчика перед собой, чувствуя лишь глубокое разочарование.

— Пойди в больницу, навести Шэнь Дашаня. Он и Гао Цань всегда относились к тебе с искренностью. Хотя бы ради них, не дай себе снова пожалеть.

Цзи Бэйчуань опустился на пол и едва заметно кивнул.

...

Этой ночью сон был невозможен.

На праздновании семидесятилетия старой госпожи произошел крупный скандал. Гостей пришлось разослать раньше времени, а большинство участников событий отправились в больницу. Красный свет в приемном отделении горел до самого утра. Цзи Бэйчуань долго ждал у дверей палаты, пока, наконец, пациента не вывезли. Он тут же бросился вперед.

Врач сказал:

— Сейчас он в критическом состоянии. Если придет в сознание, будет хорошо. Если нет, будьте готовы к худшему...

Сердце Цзи Бэйчуаня упало.

Время ожидания тянулось мучительно долго. Ночь сменилась рассветом, а он сидел у больничной кровати, размышляя о многом. Когда он собирался в больницу, Цзи Юаньшэн, опасаясь, что Шэнь Чэн не выспится, не позволил ему следовать за ними. Родители Цзянь Шиу,

беспокоясь, что он был в шоке, сразу же отправили его домой.

У каждого из этих детей была родительская любовь — открытая и искренняя. Но у него её не было. Даже когда он жил в семье Цзи, он не получал столько внимания от Цзи Юаньшэна, сколько получал Шэнь Чэн. Он был как жалкий червяк, с самого начала и до конца — просто посмешище.

Возможно... в этом мире все же был кто-то, кто любил его, но он сам всё потерял.

Бабушка любила его, но он чуть не лишил её жизни. Шэнь Дашань тоже любил его, но из-за его эгоизма и глупости сам поставил свою жизнь под угрозу.

Цзи Бэйчуань сидел, словно окаменевший, у кровати, не в силах произнести ни слова. Слез не было, сил думать тоже. Мир вокруг затих, оставив только лежащего на грани смерти человека и бескрайнюю тьму, поглощающую его. Больше никто не будет его любить. Он был настоящим неудачником. Почему всё дошло до этого? Даже он сам ненавидел себя.

Он не хотел ничего терять, но потерял всё. Теперь у него ничего не осталось. Какой смысл в такой жизни? Никто не простит его. Может, исчезнуть с лица земли — это лучшее решение?

— Тук-тук.

Раздался стук в дверь, и вошла медсестра:

— Может, съешь что-нибудь горячее? Сидеть здесь — не выход.

Цзи Бэйчуань едва заметно покачал головой, отказываясь.

Но медсестра настойчиво протянула ему миску с горячими лапшами быстрого приготовления:

— Как же так, не есть? Твой отец еще неизвестно когда очнется.

Пар от лапши поднимался, окутывая лицо Цзи Бэйчуаня. Внезапно он вспомнил другую миску лапши — некрасивую, домашнюю лапшу ручной работы, которую кто-то оставил ему, даже несмотря на все его ошибки, даже если уже так его ненавидел.

Цзи Бэйчуань обнял миску с лапшой, всё его тело дрожало, и, наконец, он согнулся, его эмоции рухнули в одно мгновение.

Медсестра с недоумением спросила:

— Ты плачешь?

Юноша, который до этого держался из последних сил, словно сбросил с себя всю тяжесть. Перед кроватью отца, находящегося без сознания, под утренним солнцем он разрыдался над миской лапши.

Еще недавно он думал о самоубийстве. Он слишком гордился. Мысль о том, что в будущем ему придется столкнуться с ненавистью и презрением, что у него больше не будет никого из близких, что никто его не примет, — всё это было хуже смерти. Он так сожалел. Он знал, что совершил ужасные ошибки, но исправить их уже нельзя. Никто не простит его. Никто не даст ему шанса.

Но та миска лапши, которую Цзянь Шиу оставил ему, даже ненавидя его, стала для него

соломинкой, за которую он ухватился. Она дала ему надежду, что даже такой неудачник, как он, может получить хоть немного света. Возможно, он сможет жить. Он был жалким червяком, но, может, кто-то позволит этому червяку поест и даст ему шанс выжить.

— Пик.

Аппарат снова издал звук, вернув мысли Цзи Бэйчуаня в реальность.

Среди рыданий юноши Шэнь Дашань медленно открыл глаза. Его взгляд упал на мальчика у кровати, и он с недоумением произнес:

— Бэйчуань?

Цзи Бэйчуань оцепенел, не веря своим глазам:

— Ты проснулся?

Шэнь Дашань слабо кивнул. Его тело было опутано трубками, кислородная маска делала его голос неразборчивым. Он попытался поднять руку, чтобы дотронуться до лица Цзи Бэйчуаня, но, ослабев, опустил её. Однако в последний момент Цзи Бэйчуань схватил её. Его тонкие, нежные пальцы крепко сжали руку Шэнь Дашаня, и он приблизился, поднеся ладонь отца к своему лицу.

Глаза Шэнь Дашаня наполнились слезами, и он хрипло произнес:

— Бэйчуань, с тобой всё в порядке?

Цзи Бэйчуань покачал головой.

— Они... не винят тебя? — голос Шэнь Дашаня был слабым и хриплым, слова едва разбирались, но Цзи Бэйчуань понял. Мужчина сказал:

— Прости, я не смог защитить тебя.

Цзи Бэйчуань оцепенел, словно его окунули в ледяную воду. Он с недоверием спросил:

— Ты знал?

Шэнь Дашань не кивнул и не покачал головой. Этот простодушный и слабый мужчина всю жизнь был беспомощным. Может, другие считали его невежественным, но чаще он видел всё ясно. Глядя на хрупкого Цзи Бэйчуаня, Шэнь Дашань уже мог догадаться, что произошло. Он вздохнул и тихо сказал:

— В тот день... когда ты не пошел ужинать и спустился вниз, я испугался, что с тобой случится беда, и... пошел за тобой.

Цзи Бэйчуань широко раскрыл глаза:

— Ты знал, что я хочу вернуться в семью Цзи, но не остановил меня?

Шэнь Дашань тихо засмеялся, слеза скатилась по его щеке. Он вздохнул:

— Люди стремятся к лучшему, вода течет вниз. Я неспособен, но не хотел, чтобы ты страдал.

Тех двое в саду — он мог бы избежать их, но догадался, что в доме может случиться беда. Если бы произошло что-то серьезное, Цзи Бэйчуань мог бы не избежать наказания. Возможно, он был беспомощным мужчиной, но он был отцом. У него не было ничего, что он мог бы дать Цзи Бэйчуаню, но он мог сделать всё, чтобы защитить своего ребенка.

Шэнь Дашань говорил с трудом, аппарат ЭКГ продолжал пищать. Он тихо сказал:

— Бэйчуань, прости. Папа не смог дать тебе хорошей жизни, опозорил тебя. В будущем...

— Не говори!

Цзи Бэйчуань, глядя на израненное тело Шэнь Дашаня, вспомнил свои недавние поступки. Раскаяние и боль переполнили его, слезы хлынули из глаз. Он крепко сжал руку Шэнь Дашаня и, наконец, крикнул:

— Папа, не говори.

Гордый и упрямый ребенок словно за одну ночь повзрослел. Он тихо рыдал:

— Мне ничего не нужно, не нужна хорошая жизнь, не нужно возвращаться в семью Цзи. Только не умирай, пожалуйста, не умирай.

Глаза Шэнь Дашаня широко раскрылись, аппарат ЭКГ издал резкий звук. Дверь палаты открылась, и вошли медсестры и врачи, чтобы осмотреть пациента. Люди сновали туда-сюда, весь день состояние Шэнь Дашаня было нестабильным. По всем прогнозам, он не должен был выжить, но, очнувшись утром, он проявил сильную волю к жизни, и к вечеру его состояние стабилизировалось, он вышел из критического.

<http://bllate.org/book/16727/1538370>